Я знал, что звонок рано или поздно раздастся, но слезы Ханны и ее неспособность говорить все еще ошеломляли меня своим молчанием. Я думал о тысяче дней с моим лучшим другом Брендоном, о его ликующей улыбке, когда он выигрывал в видео- и настольные игры, о том, как он любил протянуть руку и посигналить мне, когда мы проезжали мимо горячей женщины на улице, когда я только получил водительские права, о фейерверках и слишком большом количестве чертовых хот-догов на Четвертое июля, его любимый праздник, и о том, как он с нетерпением ждал, пока я разворачивал его подарки на мое самое нелюбимое Рождество.

И еще я думала о последних двух годах, о посещениях больницы, о его невнятной речи и о том, как он все еще пытался рассказывать мне глупые шутки, даже когда его мозг с каждым днем все больше и больше отдалялся от нас. Я была там всего два дня назад, а уже когтила себя за то, что не пошла туда накануне или тем утром, перед сменой на заправке.

Я думал о несправедливости того, что мой лучший друг, мой брат во всем, кроме крови, умирает в двадцать лет. И я не мог сказать ничего, кроме: "Я на...", как я хотел закончить, но даже эти два слова потерялись в стене боли, которая захлопнулась сама собой.

Два клиента ждали в очереди. Я тупо уставился на них, а мужчина впереди помахал перед моим лицом своим пакетом с чипсами. Я не думал. Я просто отреагировал, выбив пакет из его руки и отправив его в полет. Он вскрикнул скорее от удивления и, возможно, немного от страха - я был высоким, устрашающим ублюдком, даже если склонялся к исхуданию, - а моя коллега Мишель взвизгнула: "Ник!", но мне было все равно. Я знал, что за это меня уволят, и я эмоционально отключился. Я снял свой жилет сотрудника и вышел оттуда, чтобы больше никогда не возвращаться.

* * *

Лысые шины Cavalier едва справлялись со льдом и снегом, но меня беспокоили не они. Это был низкий звук, который седан издавал каждый раз, когда мне приходилось нажимать на газ. Он больше не мог разгоняться до сорока, что обычно было нормально, потому что я ездил на работу, в больницу, домой, и все. Никаких абонементов в спортзал, никаких баров, клубов и уж точно никаких дорожных поездок.

Я ненавидела останавливать эту чертову машину, потому что у меня было ощущение, что я всегда нахожусь в нескольких минутах или часах от того, чтобы она совсем сломалась, а когда это случалось, то каждый день приходилось идти тринадцать кварталов по плохим улицам Эванила, чтобы добраться до автобуса. В мой район они не приходили. Слишком много насилия, слишком мало людей, которые имеют значение для города. Я не мог сделать еще одну машину в течение нескольких лет, пока не расплачусь за свой одинокий семестр в колледже и тысячу или около того долгов по кредитной карте. Кроме того, я задолжал соседям по комнате сотню баксов за коммунальные услуги. Уход с работы означал бы, что Джимми, фактический глава дома и самодовольный урод, скорее всего, вышвырнул бы меня на улицу. В данный момент меня это не волновало.

Ханна и ее мама Деана жили на дальнем конце города, и они собирались вернуться туда, чтобы начать прощаться с Брэндоном. Я ехала так быстро, как только могла, но все равно прошло

больше сорока пяти минут, прежде чем я остановилась перед их домом, и машина с хрипом и дрожью остановилась.

Не успел я выйти из машины, как появилась Деана Лабайн. В лучшие времена при виде ее или Ханны у меня бы засосало кишки. Эти двое были одними из моих самых ранних увлечений. Даже несмотря на боль последних нескольких лет, постоянные взлеты, ранние победы Брэндона с его операциями и последующие все более мрачные новости, я по-прежнему испытывал к ним сильные чувства. Это было всегда, я полагала, даже если сейчас это сопровождалось странным чувством вины выжившего, как будто болезнь и смерть Брэндона означали, что я не должна быть человеком.

Потому что это было по-человечески - хотеть смотреть. Даже в свои худшие дни Деана Лабайн была потрясающей женщиной. До болезни Брэндона она имела комфортный для мамы вес, часто жаловалась на свой животик, я думаю, только для того, чтобы получить комплимент от меня или того, кто слушал, что неизменно и происходило. Сейчас она казалась мне худой, хотя, возможно, я была слишком близко к ней, чтобы судить об этом. Тем не менее, у нее было модельное лицо, волевое, с высокими скулами и карими глазами, которые заставляли меня всегда гадать, о чем она думает, что чувствует, чего хочет.

Но в тот день, выйдя из машины и захлопнув скрипучую дверь, я не почувствовал ничего, кроме печали. Она сделала несколько шагов ко мне на таких шатких ногах, что я подумал, что она сейчас упадет. Я поспешил к ней, несмотря на лед и свои некачественные кроссовки, и обнял ее. Она плакала, но, черт возьми, я плакал с тех пор, как ушел с работы.

"Мне жаль", - прошептал я, - "мне так жаль".

Я просто тупо повторял это снова и снова. Дина не пыталась заставить меня замолчать или что-то сказать. Вместо этого она крепче прижалась ко мне и держалась за то немногое, что удалось найти в тот день. Я не помню, как вошла внутрь, но с нами был мужчина, дядя Брэндона, Тимоти, и он легонько подтолкнул меня, чтобы я закрыла за нами дверь. Только тогда Дина отделилась.

"Ханна?" спросила я.

"У нее есть несколько минут для себя", - сказал Тимоти.

"Иди наверх. Она захочет тебя увидеть", - сказала Дина.

"Ты уверена?"

Она кивнула с такой силой, что я ей поверил. В то время как душа Дины была спокойна, как пруд в безветренный день, Ханна была гораздо более сложным существом, или, по крайней мере, была им раньше. Она была на два года старше нас с Брэндоном, и ей нравилось поносить меня за мою очевидную влюбленность в нее, когда она не обзывала нас и не устраивала

скандалов по поводу того, что мы вообще что-то делаем. Типичный подросток, но я терпел все это, потому что... ну, она была чертовски сексуальной.

Как и у ее мамы, у Ханны было лицо, созданное для Инстаграма и, возможно, некоторых сайтов для взрослых, немного более узкое и менее резкое. Такое же красивое, но более мягкое. Ханна была стройнее своей мамы, но у нее все еще было много изгибов, от которых можно было слюнки пускать. Одна вещь, которая мне в ней нравилась, это ее волосы. Она держала их длинными и волнистыми. Казалось, что если протянуть руку, взять горсть и вгрызться в них, то можно почувствовать вкус меда. Я мечтал об этих волосах, разложенных на кровати, или о том, как я беру ее сзади.

Я направился наверх, в комнату Ханны. Раньше, в старших классах, она принадлежала Брэндону, но когда его двигательные функции стали ослабевать, им пришлось переселить его вниз. Я все еще должен был считать эту комнату его, учитывая, сколько ночей мы провели там, смеясь и смотря фильмы, играя в игры или просто болтая, но она уже давно не была для меня такой волшебной. Теперь в моей голове это было место Ханны.

Я постучала и не получила ответа. "Ханна?" спросила я.

Я услышал приглушенное сопение, но не из ее комнаты, а дальше по коридору, из комнаты ее мамы. Я направился туда и снова позвал ее по имени.

"Я здесь", - слабо ответила она.

"Можно войти?"

"Конечно".

Я шагнул внутрь, чувствуя легкое чувство вины. Наверное, это было естественно. Комната Дины всегда была недоступна. Я заходил туда всего несколько раз, один раз, чтобы украдкой взглянуть на ее лифчики и трусики, но так волновался из-за того, что меня могут поймать, что убегал, даже не открыв шкаф или ящики.

Это была красивая комната, одна из главных достопримечательностей дома. Кремовые стены были окрашены в зеленый цвет. Не совсем пастель, но в этом направлении. Кровать была низкая, на четырех столбиках, достаточно большая для целой армии. В комнате было три окна хорошего размера, но шторы были задернуты, и свет не горел.

Ханна свернулась калачиком на кровати, держа в руках цифровую фоторамку и подключившись к ноутбуку. Но оба окна были темными, и у меня возникло ощущение, что я застал Ханну либо дремлющей, либо на грани сна. Она слабо улыбнулась мне, и я медленно подошел к ней.

"Кажется... твоя мама должна сердиться на меня... за то, что я... о, черт, Ханна, прости меня".

Она всхлипнула и поднялась на ноги. Я подскочил к ней, крепко обняв ее за грудь. Мы долго так держали друг друга, как ее мать внизу.

"Он так любил тебя", - прошептала она, когда мы наконец отстранились друг от друга, хотя бы на несколько дюймов. "Спасибо тебе за то, что ты был... был ему братом".

"Я бы хотел, чтобы в последние несколько недель я был рядом чаще", - сказал я, скорее другу, который, как я надеялся, был с нами, чем ей.

"Ты не можешь этого сделать", - сказала Ханна. "Я знаю, что ты была там столько, сколько могла".

Но это было не так, и Ханна это знала. В последние месяцы Брэндон был не в состоянии связно говорить. Он бормотал бессмысленные слова, а под конец - мешанину из слогов, похожих на детские. Но это было не самое худшее. Хуже всего было его молчание. Когда от него осталось только тело, я как будто сломался. Я хотела быть там в конце для Ханны и Дины, но я не выдержала. Я знала, что Брендон простит меня, но я не собиралась прощать себя.

"Что ты делаешь?" спросил я беззвучно и сел на кровать рядом с ней.

"О. Мама собирается окончательно оформить б..." Она запнулась, и я взял ее руку в свою. Это не был жест, к которому мы оба привыкли, но она не убрала руку. "Похороны. Я подумал, что могу успеть на кофе-час. Нам понадобятся фотографии. Я могла бы воспользоваться компьютером внизу, но у мамы здесь самые лучшие, а я хотела побыть одна".

"Ты хочешь, чтобы я пошла?"

"Нет. Больше всего я хочу вздремнуть. Я так устала. И я знаю, что мама тоже, но я не могу... Я не могу быть там внизу, когда они все смотрят на нас так... так. Я знаю, что должна быть рядом с ней, но..."

"Я буду здесь. Я помогу ей, чем смогу".

"Спасибо, Ник."

И снова я сделал что-то рефлекторное, то, что, как я думаю в ретроспективе, могло привести в движение множество пульсаций. Я поднес ее руку к своим губам и долго целовал ее кожу. Она издала долгий вздох и прислонила голову к моему плечу.

"Бивис и Баттхед", - сказала Ханна, и я попытался улыбнуться ей. Это было ее старое прозвище

для нас с Брэндоном, и не только потому, что у Брэндона были каштановые волосы, а у меня - песочный блонд. Мы нашли у его мамы старый DVD с сериалом 90-х годов и, наверное, посмотрели его дюжину раз за лето. Мы обожали его.

В конце концов, она снова улеглась в кровать. Я натянул на нее один из маминых пледов и некоторое время наблюдал, как она просматривает фотографии. В конце концов я понял, что она не спит только потому, что я нахожусь в комнате, поэтому я встал и оставил ее там, снова закрыв за собой дверь.

* * *

Пока я была наверху с Ханной, приехало еще больше родственников и друзей, и они приходили понемногу в течение дня. Я знала многих людей из Вайнпорта, поскольку в доме Дины я была почти более постоянным гостем, чем в своем собственном. Она отвела меня в сторону, чтобы спросить о Ханне, и я объяснил, что она дремлет и делает все, что может, в сложившихся обстоятельствах. Дина обняла меня еще раз, и я возненавидела себя за то, что заметила, как хорошо она пахла в тот день, ее лосьон был похож на шербет.

Я оставался рядом, помогая, где мог. Парковка перед домом быстро закончилась, поэтому я пошла к соседям и объяснила ситуацию. Все они знали, что Брендон болен, и сказали мне, что, конечно, они не против, чтобы люди парковались перед их домами, учитывая обстоятельства. Я почистил лопатой их дорожки и подъездные пути за хлопоты и для того, чтобы было чем заняться. Одна пятидесяти с небольшим лет соседка, которую Брэндон раньше сильно любил, попыталась заплатить мне, но я ее мягко отшил.

Продукты приносили целыми коробками, их было так много, что многие из них нужно было разделить и заморозить. Я побежала в магазин с кузеном Брендона, чтобы купить пакеты для заморозки, контейнеры для хранения продуктов, кофе, чай и газировку. Это было больше, чем я могла себе позволить, но я положила несколько вещей в свою тележку, бумажные тарелки, салфетки и тому подобное. Это означало использование моей кредитной карты, что я поклялась себе не делать, пока она не будет погашена, но я должна была сделать что-то для Дины и Ханны.

Вернувшись в дом Лабинов, Дина, Тимоти и остальные разговаривали с директором похоронного бюро по громкой связи за кухонным столом. Я сдал на хранение свои вещи и помог кузену убрать все напитки в кулер и в холодильник. Другой двоюродный брат, на этот раз один из братьев Дины, подтолкнул меня к еде. "Ешь, дорогая. Ты выглядишь такой худой в эти дни".

Вот что бывает, когда единственной хорошей едой в день является мясо, которое продается в продуктовом магазине по сниженным ценам, подумала я, но промолчала. Насколько я знала, ни Дина, ни Ханна не знали, как плохо мне стало после школы, и я не собиралась им об этом рассказывать. Мне не нужна была жалость. Я просто хотела выжить.

Я взяла запеканку, овощи и чай со льдом. К этому моменту Ханна снова была среди нас и

принимала многочисленные объятия. Когда я развалилась в гостиной, она присоединилась ко мне с водой в бутылке и пакетом картофельных чипсов. В этот момент я поняла, что набросилась на еду, и на моей тарелке почти ничего не осталось. Я заставила себя замедлиться и, наконец, закончила.

"Твой папа придет, милая?" - спросил Ханну друг семьи, и она напряглась.

Гордон Селларс. Один из самых тупых ублюдков на этой планете. Он изменил одной из самых красивых женщин в мире, внутри и снаружи, а когда Дина спросила его об этом, он рассказал ей вещи, которые шокировали меня в детстве, и это было из моего собственного дома, где мои отец и мать поддерживали холодную войну, лишь на несколько тонов меньшую, чем термоядерная. У Дины может быть огромное сердце, но, услышав рассказ Брэндона, она набросилась на него так, как никогда не делала ни до, ни после. В конце концов, она сказала ему, чтобы он убирался и что она хочет развестись. Он усмехнулся и сказал ей, что она не может быть одна. Она так и сделала, и сказала детям собираться.

Я не видела Брэндона, его маму и сестру в течение двух недель. Они уехали к его бабушке и дедушке во Флориду. Но мы разговаривали каждый день или писали друг другу сообщения. Вместо того чтобы грустить или злиться, они с Ханной казались счастливыми. До этого момента я не понимал, насколько плохо обстояли дела у них и их семьи наедине, но теперь плотина была прорвана, и Брэндон рассказал мне много историй о том, как его отец напивался до чертиков и кричал на них, или как, когда Дина говорила ему быть осторожнее за рулем, он вдавливал педаль газа в пол и вел себя как маньяк. Наверное, я знала, что со мной его жизнерадостность всегда была искусственной, но я не понимала, что он так ненавидит свою собственную семью.

Они развелись. Несмотря на все попытки Гордона представить жену дьяволом, она получила дом и детей, а Гордон - солидные алименты. Дине они были нужны недолго. Она получила большое повышение - от секретаря на ресепшене до младшего руководителя в региональной штаб-квартире сети магазинов подарков.

На этом Гордон не остановился. О нет. Он был тем особенным засранцем, который не мог просто так уйти из их жизни. Теперь, живя в Филадельфии, когда он перестал платить алименты, он попытался вернуться в жизнь своих детей. Ханна подумала, что он может измениться, и уехала к нему на некоторое время, но все снова пошло не так. В то Рождество Деана и Брэндон срочно приехали в Филадельфию, чтобы забрать Ханну, когда она застала их отца за употреблением кокаина на рождественской вечеринке, которую он устраивал. Гордон пытался все отрицать и с тех пор время от времени пытался вернуться в жизнь своих детей. Но, насколько мне известно, он лишь однажды навестил Брэндона в больнице в самые первые дни, когда Брэндон был еще достаточно вменяем, чтобы услышать и понять обещание отца приходить каждый раз, когда у него будет возможность. Чтобы в последний раз увидеть, как Гордон выкручивает нож.

Короче говоря? Я ненавидел этого гребаного засранца за все.

"Он будет здесь", - прямо сказала Ханна.

Друг семьи отступил, чувствуя, что задел нерв, и я обнял Ханну одной рукой. Она тихонько хихикнула и покачала головой.

"Всем им нравился папа", - сказала она. "Они никогда не видели, какой он ужасный. Но он тоже заслуживает прощания, я думаю".

Я не знал об этом, но пробурчал что-то неопределенно утвердительное. В конце концов она встала, чтобы взять ноутбук и еще немного поработать над планированием кофе-часа, на этот раз с моим участием в выборе песен, которые любил Брэндон и которые подходили для места проведения мероприятия. Это было много Killers, много Green Day, много The Knocks. Последнее меня задело, потому что это была последняя группа, которую Брэндон действительно любил. Пока я пыталась остановить свой последний поток слез, Ханна дала мне время, установив другой плейлист, только для нас, который мы не будем включать во время кофе-часа. В этот список вошли другие любимые песни Брендона, его любовь к хип-хопу и рэпу восьмидесятых и девяностых годов, Роб Зомби и его странные пристрастия к зарубежному дэт-металу. Мы смеялись над этим, когда Дина оторвалась от других дел, наблюдая за нами двумя со слабой улыбкой на лице, прежде чем ее втянули в подробности похорон.

Но бензин, который был у Ханны в баке, быстро опустел, и тонкая оболочка вежливости, которую она поддерживала со своей расширенной семьей, начала исчезать. Прежде чем она стала слишком едкой, она решила, что нужно еще раз вздремнуть, и я проследил за ней несколько минут спустя, чтобы приклеить на ее дверь табличку с простой надписью: "Пожалуйста, дайте ей поспать".

* * *

Примерно в это время расширенная семья Лабинов начала уезжать, возвращая Дине дом, по крайней мере, на некоторое время. В последующие дни будут новые волны родственников и друзей. Брендона очень любили, хотя я задавался вопросом, где были все эти люди, когда он был в больнице, когда Дина нуждалась в них больше всего.

Эта мысль была излишне жестокой. Я знал, что многие из них появлялись в тот или иной момент, и, кроме того, разве я не был так же виновен в том, что в конце концов бросил Дину и Ханну на произвол судьбы?

Я знаю, почему я не уехала. Я скучал по брату. Ни Дина, ни Ханна не пытались подтолкнуть меня к двери, и у меня было чувство, что меня там ждут. Поэтому я остался, игнорируя звонок "ты уволен" от моего босса и звонок "ты ебанутый и если ты не заплатишь нам до конца недели, то уйдешь на задницу" от моего соседа Джимми, который, вероятно, узнал о моем увольнении от общих друзей. Меня готовили, и я знал это, но мне было все равно. Не сейчас. Два человека, о которых я больше всего заботился в этом мире после ухода Брэндона, нуждались во мне, и я собирался быть рядом с ними, даже если это означало, что придется просить родителей приютить меня на несколько месяцев, пока я буду приводить себя в порядок.

Я думала обо всем этом, пока последние друзья и родственники уходили. Я вернулся на диван, положив за голову подушку. Дина вышла из кухни с кружкой чая в руках. Она села рядом со мной, и я обнял ее. Она прильнула ко мне и затряслась, как будто плакала, но ее глаза были сухими. К этому моменту, я думаю, ее резервуар тоже был пуст.

Я снова ощутил мягкий фруктовый аромат ее лосьона. Я театрально понюхал несколько раз, и она с любопытством посмотрела на меня. "Что за чертов лосьон ты использовала?" спросил я.

"Тебе нравится?"

"Мне очень, очень, очень нравится", - сказал я и усмехнулся. Возможно, это было первое, что напоминало искренний смех за последние несколько дней, и это заставило ее тоже улыбнуться. Запах, улыбка, прижатие ее груди ко мне - я ничего не мог с этим поделать. Я затвердел, и это невозможно было скрыть от нее.

Дина не обращала на это внимания, пока я не попытался натянуть на себя одеяло. Она остановила меня, положив руку на мою, а затем глубоко, содрогаясь, вздохнула, когда ее пальцы перешли к моему члену. Дина посмотрела мне в глаза, на ее лице читался вопрос.

"Мне нужно...", - прошептала она. "Я... Я..."

Мне не следовало делать то, что я сделал. Или... может быть, стоило. Я не знаю. Это было по-всякому психологически хреново, но я должен был. В любом случае, я поцеловал ее. Я наполовину ожидал, что она даст мне пощечину. Черт, может быть, я надеялся на это, просто чтобы почувствовать что-то, кроме горя. Но Дина замерла, ничего не делая, ее пальцы были в четверти дюйма от моего твердого тела.

А потом ее губы снова встретились с моими.

Отныне и навсегда, это было практически все для меня. Дина скрючилась на диване, поставив одно колено на подушку, а другую ногу на пол. Она снова поцеловала меня, ее губы разошлись, язык искал мой. Так много моих самых старых фантазий пронеслось во мне в этот момент. Как будто тысячи вариантов меня одновременно прокричали "Да!", и я потерялся. Я ухватился за низ ее рубашки и потянул ее вверх и на грудь. Под ней был старый синий лифчик, ничего модного, но я никогда в жизни не хотел женщину так сильно, как хотел Дину в этот момент.

http://erolate.com/book/2679/62837